

Кропотов В.В. ФИБУЛЫ САРМАТСКОЙ ЭПОХИ. Киев: Изд-во “АДЕФ-Украина”, 2010. 384 с., 105 илл.

Фибулы – одна из категорий археологического материала, получившая широкое распространение в южных районах Восточной Европы в последние века до н.э. – первые века н.э. Обычно они привлекают внимание при изучении культурных влияний и экономических связей, технологии металлообработки, но наиболее часто – при установлении дат как отдельных памятников, так и целых культур.

В нашей отечественной археологической науке существенный вклад в изучение этой категории находок внес А.К. Амброз. Им были разработаны типология и хронология фибул, рассмотрены вопросы происхождения отдельных типов (Амброз, 1966). Эта работа широко используется вплоть до настоящего времени. Однако за прошедшие годы в связи с накоплением новых данных появилось достаточно много работ, корректирующих те или иные выводы и положения труда А.К. Амброза. В статьях ряда авторов рассматривались, как правило, частные вопросы, касающиеся уточнения типологии или датировок какого-либо вида фибул, но с течением времени возникла потребность в системном рассмотрении значительно возросшего фибульного материала на обширной территории Юго-Восточной Европы. Это масштабное исследование было выполнено и издано в виде монографии сотрудником Института археологии НАН Украины В.В. Кропотовым.

Автор проделал огромную работу по учету находок фибул и систематизации этого материала на обширной территории от Дуная до Южного Приуралья. Собрана информация о 6137 находках фибул, бытовавших со II в. до н.э. по III в. н.э. Это время господства сарматов в степных районах Юго-Восточной Европы характеризуется широким распространением фибул как в погребальных памятниках кочевников, так и памятниках оседлого населения Северного Причерноморья, Нижнего Дона, Северного Кавказа. Исследование потребовало от автора многих лет работы в фондах музеев разных городов и в архивах, знакомства с большим количеством публикаций.

Монография В.В. Кропотова содержит четыре главы, предваряемые введением, и завершается заключением. Главы названы следующим образом: глава 1 “История изучения фибул юга Восточной Европы”; глава 2 “Фибулы как деталь костюма древнего населения Европы”; глава 3 “Классификация и хронология фибул сарматской эпохи”; глава 4 “Производство и распространение фибул на юге Восточной Европы”. В книге приведен обширный список использованной литературы и архивных материалов, имеется географический указатель мест нахождения фибул.

Первая глава небольшая по объему, но достаточно емкая по содержанию. В ней выделены основные этапы изучения фибул исследуемого региона и обоснована необходимость нового обобщающего их исследования на современном уровне. Во второй главе рассматриваются типы одежды, для ношения которых использовались фибулы. В.В. Кропотов вводит понятие “фибульная одежда” и разделяет ее на три основных типа. В этой части работы использован широкий круг памятников изобразительного искусства. Интересны некоторые наблюдения автора над использованием типов одежды и фибул в варварском мире Европы в рассматриваемое время.

Основной, как по содержанию, так и по объему (с. 35–338), является третья глава, на анализе содержания которой я хотел бы остановиться подробнее. Она открывается изложением прин-

ципов упорядочения материала. В основу своей классификации В.В. Кропотов кладет вполне определимые различия форм и объединяет результаты разработок О. Альмгрена, который исследовал территориальное членение фибул, и А.К. Амброза, изучавшего их хронологическое деление (с. 36). Автор указывает, что он стремился следовать терминологии и О. Альмгрена, и А.К. Амброза, широко вошедших в исследовательскую практику. Как негативный фактор исследователь отмечает наметившуюся после выхода работы А.К. Амброза увлеченность дроблением его типологической схемы, выделением новых вариантов и подвариантов, зачастую не отражавшим реальной картины развития тех или иных видов фибул. Основными таксономическими ступенями классификации В.В. Кропотова являются *группа, серия и вариант*. Группа – это совокупность фибул, “характеризующихся общими внешними признаками”; серия – составная часть группы, включающая фибулы со сходными индивидуальными конструктивными особенностями, с подчеркнутым компактным территориальным распределением; вариант – “ограниченное число схожих изделий, бытовавших в течение одного хронологического периода” (с. 36). Таким образом, именно варианты отражают последовательное изменение форм фибул, а серии – их территориальное распространение. Кроме того, в свою классификацию В.В. Кропотов вводит еще одно звено – *форму*, имеющую в большей мере отношение к римским провинциальным фибулам, достаточно разнообразным в видовом отношении, но зачастую представленным внутри вида единичными находками. Всего выделено 17 групп фибул.

Бесспорным достоинством этой части книги В.В. Кропотова является хорошо оформленный иллюстративный материал, наличие карт распространения фибул по сериям и каталогов находок с делением серий по вариантам. В каталогах, кроме указания мест находок фибул, кратко приводятся сведения об археологическом контексте, некоторые уточняющие характеристики фибул, ссылки на источник первичной информации. Справочный аппарат может значительно облегчить исследователям использование этого материала при разработке проблем раннего железного века разных регионов.

Вопросы хронологии рассматриваются последовательно по каждой группе фибул. Располагая массовым материалом, В.В. Кропотов в ряде случаев корректирует даты отдельных серий или вариантов фибул, в спорных вопросах высказывает свою точку зрения. Так, например, обсуждая дискуссионную проблему времени появления лучковых подвязных фибул, В.В. Кропотов выступает против наметившейся тенденции существенного их удреждения. Он считает, что возникновение подвязных фибул совпадает с повсеместным упадком латенской культуры и приходится на вторую половину или последнюю четверть I в. до н.э. Представляет интерес вывод автора о том, что в разных районах Крыма, где собственно и сформировалась подвязная конструкция фибул, они появляются не в одно и то же время. Появление их, например, в северо-западной части полуострова В.В. Кропотов относит к концу указанного века (с. 67). Представляют интерес мнение исследователя о типологии и хронологии профилированных фибул (группа 10), фибул с завитком (группа 8) и кнопкой (группа 9) на конце приемника, а также заключение о запаздывании большинства форм шарнирных дуговидных фибул (группа 13) в памятниках Восточной Европы по сравнению с их западными аналогиями (с.272–275). Собственный взгляд автора на типологию и хро-

нологию присутствует при рассмотрении практически всех выделенных им групп фибул.

Третья глава завершается разделом “Периодизация фибул сарматской эпохи”, в котором автор, обобщая весь материал, выделяет шесть хронологических групп. Время бытования этих групп определяется особенностями политических, этнических и культурных процессов, протекавших на юге Восточной Европы в сарматское время. Первая группа фибул (вторая половина II–I в. до н.э.) приходится на расцвет в причерноморских и волго-донских степях раннесарматской культуры; вторая группа (конец I в. до н.э. – первая половина I в. н.э.) покрывает период от окончательного затухания в Европе латенских традиций до распространения в степи традиций среднесарматской культуры; третья группа (вторая половина I – начало II в. н.э.) существует во время расцвета среднесарматской культуры; четвертая группа (большая часть II в. н.э.) бытует в период формирования позднесарматской культуры; пятая группа (конец II – первая половина III в. н.э.) связана с эпохой господства позднесарматской культуры до вторжения готов и разгрома ими большинства северопричерноморских производственных центров; шестая группа (вторая половина III в. н.э.) приходится на время готских походов.

В четвертой, заключительной главе рассматриваются вопросы, связанные с выявлением центров производства и распространения фибул в Восточной Европе. Места производства тех или иных типов фибул определяются по степени их концентрации в северопричерноморских и северокавказских центрах. Эти центры сменяли друг друга в связи с значительными этноисторическими событиями на восточноевропейском юге. Со второй половины II в. до н.э. до середины I в. н.э. ведущими центрами распространения фибул были Нижний Днепр и Крым, занятые поздними скифами. По В.В. Кропотову, это время господства раннесарматской культуры. С середины I в. н.э. вместе с распространением среднесарматской культуры, появлением в Крыму памятников типа Бельбек IV, а на Нижнем Дону – городищ (Кобяковское, Нижнее-Гниловское и др.), меняется типологический состав фибул, и основная концентрация их связана теперь с Юго-Западным и Центральным Крымом, Керченским полуостровом и Нижним Доном. Во II в. н.э. к этим центрам присоединяется Прикубанье. С конца II – в первой половине III в., в период господства позднесарматской культуры, резко возрастает присутствие фибул в волго-донских и приуральских степях. Массовое употребление фибул кочевым населением привело к такому явлению, как “фибульный голод” (с. 347). В.В. Кропотов полагает, что это повлекло за собой появление в Восточной Европе новых центров производства фибул, например, в Южном Приуралье, активизацию их изготовления на Северном Кавказе.

При общей высокой положительной оценке работы В.В. Кропотова в ней, по моему мнению, имеются выводы и суждения, носящие дискуссионный характер. Таковы, например, взгляды автора на происхождение и датировку ранних подвязных лучковых фибул. Важность этого вопроса заключается в том, что фибулы этой группы как наиболее массовые¹, широко используются для датирования сарматских и других памятников. В частности, в определении конечной даты раннесарматской культуры, спор о которой ведется и в настоящее время, используются как раз эти фибулы.

В нашей научной литературе долгое время господствовала точка зрения А.К. Амброза о датировке всей этой группы

фибул в пределах I–III вв. Причем самый ранний вариант I датировался I в. н.э., преимущественно первой его половиной. Первым о возможности датирования лучковых подвязных фибул концом I в. до н.э. высказался Б.Ю. Михлин на основании анализа их находок в Беляусском могильнике в Крыму (Михлин, 1980. С. 205). Впоследствии дата появления подвязных лучковых фибул была существенно удревнена. Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева, основываясь на материалах погребальных памятников позднескифского времени, отнесли это событие к времени не позже конца II – рубежа II–I вв. до н.э. (Зайцев, Мордвинцева, 2003. С. 151).

В.В. Кропотов разделил лучковые подвязные фибулы на четыре серии. Серия I, названная им основной и объединяющая одночленные фибулы с верхней тетивой (их общее количество составляет около 1700 экз.), разделена на четыре варианта. А.К. Амброз выделял пять вариантов фибул этой серии; В.В. Кропотов два последних варианта А.К. Амброза объединил в один четвертый вариант своей классификации.

В вопросе о времени появления лучковых подвязных фибул речь идет о дате самого раннего – первого – их варианта. В.В. Кропотов, возражая против существенного удревнения таких фибул, считает, что их появление должно относиться ко второй половине или последней четверти I в. до н.э. На это время приходится, по его мнению, завершение массового распространения фибул среднелатенской схемы и замещение их появившимися подвязными фибулами (с. 71,72). В другом месте, где речь идет о дате среднелатенских фибул, автор говорит, что подвязные фибулы начинают широко распространяться не ранее конца I в. до н.э., и лишь отдельные их находки могли относиться ко второй половине или к последней четверти I в. до н.э. (с. 51). Верхним рубежом существования первого варианта подвязных фибул, по В.В. Кропотову, является середина I в. н.э. Он неоднократно отмечает, что замена фибул среднелатенской конструкции лучковыми подвязными совершилась достаточно быстро.

Приведенные даты основаны на достаточно лаконичном суммарном анализе фибул без необходимой конкретизации контекста находок, их места в составе комплексов и без обсуждения возможностей датирования этих комплексов по сопровождающим вещам. В подобных обобщениях теряются частности. Совместные находки среднелатенских и подвязных фибул в склепах с нарушенными костяками не дают убедительной картины существенной разницы в их датах, поскольку количество костяков в склепах не велико, а выраженная ярусность останков отсутствует.

Трудно согласится с В.В. Кропотовым, что период сосуществования этих типов фибул был довольно коротким. Замещение одних вариантов рассматриваемых фибул другими могло происходить постепенно, особенно если учесть, что подвязная конструкция фибул сложилась на основе среднелатенской схемы (эта версия является господствующей, ее придерживается и В.В. Кропотов (с. 66). Центром этого процесса был Крым. Видимо, автор прав в том, что широкое распространение лучковых подвязных фибул начинается с конца I в. до н.э. Но когда появляются первые их образцы и насколько они были распространены? В.В. Кропотов считает, что только отдельные из них могли появиться в более раннее время, но не ранее второй половины I в. до н.э. Я полагаю, что это мнение не является окончательным. Фибулы двух рассматриваемых групп, видимо, сосуществовали более длительное время, нежели предполагает В.В. Кропотов. В то время, когда уже господствовали лучковые подвязные фибулы, продолжали встречаться фибулы среднелатенской схемы. На территории Западной Европы среднелатенские фибулы, например, встречаются практически в течение всего I в. н.э. (Скрипкина, 1997. С. 116–119). В.В. Кро-

¹ В.В. Кропотову известно более 2300 экз. таких фибул, что составляет почти 40% от всего количества находок, учтенных в книге.

потом также отмечает случаи находок среднелатенских фибул позже основного времени их бытования. То есть быстрого, тем более моментального, выхода из употребления фибул среднелатенской схемы не было. Можно предположить, как это в свое время сделали О.Д. Дашевская с Б.Ю. Михлиным, что местные северопричерноморские мастера, познакомившись с латенскими фибулами, начали сразу же совершенствовать их конструкцию. В качестве примера исследователи приводят находку фибулы “с подогнутой и припаянной или завязанной ножкой” из могилы 117 Беляусского некрополя, датируемой первой половиной I в. до н.э. (Дашевская, Михлин, 1983. С. 134). Таким образом, основная конструктивная особенность лучковых подвязных фибул – крепление приемника к дужке снизу – была известна местным мастерам еще в первой половине I в. до н.э. Появление подвязных фибул вполне могло относиться к этому времени, и тогда же могло начаться их постепенное накопление и распространение.

Я специально уделяю так много внимания проблеме появления лучковых подвязных фибул, поскольку они в настоящее время приобретают важное значение для определения конечной даты раннесарматской культуры. Так, например, в курганном могильнике Петрунино II на реке Иловля в Волгоградской области, в кург. 1 погр. 9 была найдена целая железная лучковая подвязная фибула, а в соседнем кург. 4, погр. 3 – фрагмент бронзовой фибулы такого же варианта (приемник с частью дужки, подвязка хорошо прослеживается). Еще один фрагмент, видимо, лучковой железной фибулы был найден по соседству с предыдущими у с. Барановка в кург. 10 погр. 9. Эти находки включены В.В. Кропотовым в первый вариант первой серии лучковых подвязных фибул (с. 83).

Все эти погребения по обряду и вещам, обнаруженным в них, типично раннесарматские. В указанных курганах находилось еще по несколько близких по времени раннесарматских погребений. Все они впускные. В погребениях с фибулами обнаружены бронзовые зеркала с валиком по краю диска, кинжалы с серповидным навершием, костяная проколка, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, кувшин, украшенный пучками вертикальных полос. В других погребениях найдены длинные мечи с кольцевым навершием; в одном случае меч найден вместе с кинжалом с серповидным навершием, что характерно для позднего этапа раннесарматской культуры, и ажурной бронзовой пряжкой со сценой борьбы животных (Сергацков, 2000. С. 37–44. Рис. 40–44).

Если исходить из датировок В.В. Кропотова, то иловлинские погребения должны относиться ко времени, по крайней мере, не ранее конца I в. до н.э.: именно тогда, по его мнению, начинается широкое распространение раннего варианта лучковых подвязных фибул. Находки нескольких таких фибул в соседних иловлинских могильниках, при редкой встречаемости в это время в сарматских погребениях фибул вообще, с учетом периферийности этих находок могут свидетельствовать о том, что в местах, где сложился этот вариант, они были уже достаточно распространены. Верхней же датой раннесарматских иловлинских комплексов, исходя из общей даты подвязных фибул первой серии первого варианта схемы В.В. Кропотова, следует считать середину I в. н.э. Но вряд ли можно принять такую датировку.

Еще не так давно такие погребальные комплексы датировались III–II вв. до н.э. В 80-е годы прошлого века я, основываясь на находках среднелатенских фибул в раннесарматских погребениях Нижнего Поволжья и иных данных, отнес пограничную дату между раннесарматской и среднесарматской культурами к рубежу эр. Эта точка зрения вызвала затянувшуюся дискуссию, которая не завершена и по сей день. Ряд авторов высказал мнение, что среднесарматская культура, пришедшая на смену

раннесарматской, сформировалась к середине или концу I в. до н.э. (Мошкова, 2004. С. 22–32; 2006. С. 215–218; Глебов, 2004. С. 128–130). В.П. Глебов, правда, отмечал, что традиции раннесарматской культуры сохраняются достаточно долго. Но упомянутые выше иловлинские погребения не демонстрируют переживания раннесарматских традиций, это типично раннесарматские комплексы.

В целом ряде раннесарматских комплексов Волго-Донского региона найдены фибулы среднелатенской схемы со скрепленной ножкой; по набору сопровождающих вещей эти комплексы ничем не отличаются от указанных погребений с подвязными фибулами (Скрипкин, 1990. С. 105–117). Фибулы со скрепленной ножкой (первая серия) В.В. Кропотов разделяет на два варианта, и датирует первый вариант последней четвертью II–I в. до н.э., отметив, что “не следует их заводить далеко вглубь последнего столетия”. Далее он уточняет верхнюю дату этого варианта: не позднее середины I в. до н.э. Второй вариант исследователь предположительно относит ко второй половине I в. до н.э. (с. 44, 45). Более массово был распространен первый вариант, к которому В.В. Кропотов отнес ряд фибул из сарматских погребений Нижнего Поволжья.

В свое время М.Б. Шукин отмечал, что среднелатенские фибулы в сарматских комплексах в соответствии с хронологией европейских древностей датируются “приблизительно с конца II – первой половины I в. до н.э., бытование их во второй половине I в. до н.э. проблематично” (Шукин, 1994. С. 57). Поскольку в сарматских погребениях Волго-Донского региона среднелатенские фибулы со скрепленной ножкой представлены целым рядом находок, следует предположить, что сюда они попали в период пика их распространения в Северном Причерноморье, который, очевидно, падает на время до середины I в. до н.э.

Таким образом, в настоящий момент мы не можем хронологически разделить раннесарматские погребальные комплексы Поволжья и Дона по встречаемому в них, с одной стороны, фибулам среднелатенской схемы, с другой – ранним подвязным лучковым: эти комплексы обладают общими чертами как погребального обряда, так и материальной культуры. Пока они объединяются в один пласт, датируемый II–I вв. до н.э. или с середины II–I в. до н.э. (Скрипкин, 2000. С. 137–149; Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 58–66).

Для В.В. Кропотова завершение раннесарматской культуры к середине I в. н.э. является очевидным фактом. Это мнение исследователь неоднократно высказывает, но не приводит его обоснование (с. 161, 332). В интерпретациях В.В. Кропотова имеет место смещение хронологии и остальных сарматских культур. Начало среднесарматской культуры отнесено им к середине I в. н.э., в первой половине II в. н.э. идет формирование познесарматской культуры. Здесь не место вести дискуссию о датах вышеуказанных культур, это отдельная проблема. Однако без учета региональных особенностей к определению времени завершения и становления сарматских культур следует подходить осторожно. Даже если В.В. Кропотов имел в виду только Северное Причерноморье, то и там, при очевидной сложности проблемы, эти культуры пока датируются иначе (Симоненко, 1999; 2004).

Как мне представляется, сама проблема зарождения лучковых подвязных фибул еще не нашла окончательного решения, в том числе и в рецензируемой работе. Полагаю, что В.В. Кропотовым неудачно выделен первый вариант их первой серии, имеющий прямое отношение к обсуждаемому вопросу. Одного взгляда на иллюстрацию этого варианта (рис. 29) достаточно, чтобы увидеть, что там представлены образцы фибул, существенно различающиеся морфологически. Некоторые из них

унаследовали черты “неапольского”, другие – беляусского варианта среднелатенских фибул. Почему-то мою попытку выделить новый вариант ранних лучковых фибул по сарматским материалам в дополнение классификации А.К. Амброза В.В. Кропотов посчитал существенной методической ошибкой. В свою очередь, его подход к выделению вариантов лучковых фибул, основанный “на общей периодизации позднескифских и сарматских древностей” (с. 70) мне представляется неверным. Варианты в данном случае следует выделять по морфологическим признакам; следующим этапом может быть определение времени существования того или иного варианта. И тогда может оказаться, что два или более вариантов сосуществуют во времени. Становление нового типа часто сопровождается многовариантностью, в результате чего отрабатываются наиболее типичные признаки. Именно такая многовариантность была характерна для становления лучковых подвязных фибул, и появление этих первичных вариантов могло быть не одно-временным.

Хотел бы обратить внимание еще на один момент. В.В. Кропотов вполне справедливо неоднократно отмечает, что фибулы одного и того же варианта в различных районах имеют разное время бытования. Это касается как Крыма, района наиболее интенсивного распространения фибул, так и других территорий. Но этот подход не выдерживается, по крайней мере, в отношении Нижнего Поволжья. Распространение фибул могло зависеть от этнической ситуации в конкретном районе, от предпочтений его населения. В свое время я высказал мнение о том, что сильно профилированные фибулы с бусинами на дужке (вторая серия по В.В. Кропотову) в Нижнем Поволжье после II в. н.э. выходят из употребления. Эту ситуацию я объяснял политическими событиями в исследуемом регионе. Я отмечал и отдельные случаи более поздних находок таких фибул в других местах, например, в Танаисе. Именно на них сосредоточил свое внимание В.В. Кропотов, определив верхнюю границу их бытования серединой III в. Я не возражаю против такой общей даты, но она не приемлема для Нижнего Поволжья. Не все то, что находят в Танаисе, непременно должно быть у сарматов Нижнего Поволжья, хотя оттуда многое поступало в степи. Так, на Нижнем Дону в могильниках многих городищ, в том числе и Танаиса, в среднесарматское время широко были распространены фибулы с кнопкой на конце приемника (девятая группа по В.В. Кропотову), счет которым идет на многие десятки, но в среднесарматских погребениях Нижнего Поволжья присутствуют фибулы иного типа – профилированные, поступавшие сюда, вероятно, с того же Нижнего Дона. Это к вопросу о предпочтениях местного населения.

Неверно, на мой взгляд, определяет В.В. Кропотов и завершающую дату для фибул с завитком на конце приемника восьмой группы второй серии (часть II–III в. н.э.). Его аргументация заключается в том, что эти фибулы не известны в “типично сарматских захоронениях конца III–IV в. н.э. в подкурганых катакомбах и простых могилах” (с. 204). Я не знаю, что имел в виду автор под простыми могилами, но что касается катакомб, то рассматриваемых фибул там и не должно быть. Поволжско-приуральские погребальные комплексы с указанными фибулами и появившиеся с середины (а не с конца) III в. н.э. преимущественно на Нижнем Дону подкурганые погребения в катакомбах принадлежат совершенно разным этническим группировкам кочевников, ориентировавшимся в своих связях на разные регионы. Катакомбный обряд на Нижнем Дону имел миграционное происхождение, с ним связано распространение в этом регионе северокавказских традиций в материальной культуре. Называть эти памятники типично сарматскими неверно, поскольку с их появлением начинается затухание позднесарматской культуры.

Думаю, что моя дискуссия с автором по отдельным вопросам не должна умалить в глазах коллег несомненных достоинств этого поистине фундаментального труда. Монографическое исследование В.В. Кропотова открывает новый этап в изучении фибул Восточной Европы. Отмечая большую научную значимость книги, хотелось бы пожелать автору в дальнейшем специально заняться вопросами датирования ведущих групп фибул с привлечением обширного археологического контекста, с выявлением корреляционных связей отдельных выделяемых вариантов с хорошо датированными типами сопровождающих вещей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Глав. ред. вост. лит., 1966 (САИ. Вып. Д1-30). 111 с.
- Глебов В.П.* Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Докл. к 5 междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории” / Ред. Б.А. Раев. Краснодар: Кубанский ГУ, 2004. С. 127–133.
- Дашевская О.Д., Михлин В.Ю.* Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. 1983. № 3. С. 129–147.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеллинистического периода // РА. 2003. № 2. С. 135–153.
- Клетиков В.М., Скрипкин А.С.* Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // НАВ. Вып. 5 / Ред. А.С. Скрипкин, Л.Т. Яблонский. Волгоград: Изд-во Волгогр. ГУ, 2002. С. 47–81.
- Михлин В.Ю.* Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3. С. 194–213.
- Мошкова М.Г.* Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Докл. к 5 междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории” / Ред. Б.А. Раев. Краснодар: Кубанский ГУ, 2004. С. 22–44.
- Мошкова М.Г.* Спорные вопросы сарматской археологии // Древности скифской эпохи / Ред. В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2006. С. 210–223.
- Сергацков И.В.* Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000. 396 с.
- Симоненко О.В.* Сарматы Північного Причорномор’я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія: Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 1999.
- Симоненко А.В.* Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Докл. к 5 междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории” / Ред. Б.А. Раев. Краснодар: Кубанский ГУ, 2004. С. 134–173.
- Скрипкин А.С.* О конечной дате раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Вопросы археологии Юга Восточной Европы / Ред. У.Э. Эрдниев. Элиста: Калмыцкий ГУ, 1990. С. 105–117.
- Скрипкин А.С.* Об одном полемическом эпизоде в книге М.Б. Щукина “На рубеже эр” (Санкт-Петербург, 1994) // STRATUM + Петербургский археологический вестник /

Ред. М.Ю. Вахтина, Ю.А. Виноградов. СПб. – Кишинев: Научн.-образ. центр “Рудь – Мэтониум”, 1997. С.116–120.

Скрипкин А.С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II-I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Матер. IV междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и ис-

тории”. Вып. 1 / Ред. В.Н. Мышкин. Самара: Изд-во Самарского НЦ РАН. 2000. С. 137–149.

Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.

Волгоградский государственный университет

А.С. Скрипкин